

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (на материалах Северного Кавказа)

М.А. Дадиев, С.-Х.М. Нунуев
(Россия, Грозный)

В статье выявлены причины и проявления этнического и религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности России. Установлен тип строения и идеологии радикальных организаций (на материалах Северного Кавказа).

In this article the causes and manifestations of ethnic and religious extremism as a threat to Russia's national security are determined. The type of structure and ideology of radical organizations is set (on the Northern Caucasus materials).

Ключевые слова: этнический и религиозный экстремизм, угроза национальной безопасности, постсоветское общество, Северный Кавказ.

Key words: ethnic and religious extremism, threat to national security, post-soviet society, Northern Caucasus.

В глобализируемом обществе воздействие этничности и религии на политические процессы качественно возросло. Этому способствуют многие факторы: слабость секулярных проектов преодоления кризиса, память о деятельности традиционалистских организаций в кризисные периоды, выступления этнических элит и духовенства в защиту морали и обездоленных, против деструктивных явлений (наркомании, коррупции, бездуховности) [11, с. 15]. Это влияние активно используют экстремистские этнические и религиозные организации в своих противоправных целях.

В условиях постсоветских сообществ Северного Кавказа этничность используется монократическими региональными элитами для легитимации своей власти, увеличения ресурсов влияния и полномочий. Этнополитическая мобилизация служит средством сплочения сообщества, подавления оппозиции, структурирования социально-политического пространства. Репрезентативное исследование (анкетный опрос 2007 г., проведенный преподавателями Ставропольского госуниверситета) показывает, что среди причин политизации этничности респонденты указывают: ухудшение социально-экономического положения в России (42,3 %), рост безработицы (31,1 %), ошибки в национальной политике (28,4 %), ситуацию в Чечне (24,5 %), предубежденность против некоторых народов (24,1 %), миграцию из-за рубежа (23,4 %), деятельность местных политиков (13,4 %), выступления СМИ, провоцирующие межэтническую напряженность (11,5 %), деятельность зарубежных стран (9,3 %), деятельность федеральных политиков (9,2 %), подъем этнического самосознания (7,2 %) [16, с. 166–171]. Т.е., в массовом сознании жителей Северного Кавказа причины этнических конфликтов связываются с общероссийскими факторами объективного характера. Вместе с тем, $\frac{1}{3}$ респондентов согласны с установками конфликтогенного типа: «взаимодействие людей разных национальностей часто является источником неприятностей», «взаимодействие местных жителей и мигрантов часто является источником неприятностей», «испытываю напряженность, когда слышу вокруг себя чужую речь».

К этническим факторам конфликтогенности политических процессов на Северном Кавказе можно отнести: неурегулированность территориальных споров в регионе и неравномерное экономическое развитие российских территорий, влекущая за собой безработицу и бедность, массовую миграцию людей из менее благополучных в более благополучные российские мегаполисы; обостренное чувство несправедливости; идеологемы этнонационализма; слабая эффективность национальной политики на общероссийском и региональном уровнях и др. Этнополитическая мобилизация 1990-х гг. сформировала в республиках Северного Кавказа региональные режимы, обладающие автономной структурой политических возможностей, ресурсами и стратегиями действия.

Р.Г. Абдулатипов характеризует место религии в современном российском обществе: «Религия (православная, ислам и другая) в России сегодня более, чем религия. Это и форма коллективной идеологии, средство не только духовной, но и политической мобилизации, которыми целый ряд социальных групп пытаются заполнить образовавшийся идеологический «вакуум» и занять место в политическом плюрализме, в социальной системе и в политических процессах, происходящих в стране» [1, с. 93].

В ходе возрождения религии протекают сложные и противоречивые процессы модернизации, появляются движения радикальной направленности, которые «не только подпитывают негативизм в отношениях славянских и неславянских народов с представляющими их политическими структурами, но и, укрепляя этнонационализм отдельных групп, провоцируют внутриконфессиональные конфликты» [21, с. 132]. Социальное неравенство, бедность, модернизация, подвергающая испытаниям традиционные политические системы – основные причины, детерминирующие радикальные и экстремистские тенденции, подогреваемые в т.ч. и теми силами, которые уже взорвали Югославию, Ирак, Ливию, Египет, терзают Сирию.

В религии заложена идея исключительности, основанная на доктринальных расхождениях, что не исключает межконфессионального диалога и сотрудничества. Конфессиональная культура обладает большим миротворческим потенциалом, который может быть использован для достижения общественного согласия. Для этнических групп, составляющих большинство мусульман, конфессиональная самоидентификация является частью групповой самоидентификации [9, с. 234]. Поэтому трудно отделить этнический и конфессиональный факторы политических процессов, используется термин «этноконфессиональные» [15, с. 5].

В частности, роль мусульман в постсоветском обществе значительно выросла: в 1988 г. в СССР действовало 402 мечети, а на 1 января 2002 г. в РФ зарегистрировано 3186 мусульманских объединений, 2734 мечети и 106 учреждений мусульманского духовного образования [17, с. 36]. Население Северного Кавказа отличается наибольшим процентом мусульман среди регионов Российской Федерации (42,9 %). Здесь проживает большинство этнических групп, традиционно исламских: аварцы, адыгейцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лакцы, лезгины и др. Значимость ислама для этих народов очень высока. Центром возрождения ислама на Северном Кавказе стал Дагестан. Стремительность возрождения можно видеть по росту числа мечетей: в 1988 г. в Дагестане было 27 действующих мечетей, в 1992 г. – 800, в 2001 г. – 1585 (в т.ч. 917 соборных) и 1820 мечетных общин [7, с. 264].

В республиках Северного Кавказа ислам используется как ядро политической идеологии, региональной идентичности, этнического самосознания и т.д. Возрождение в рамках исламских ценностей стало частью политической культуры многих народов Северного Кавказа, частью их психологии и образа жизни [7, с. 28]. Если для западных стран ислам ассоциируется только с угрозой и экстремизмом, то в нашей стране есть многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих различные религии. Как отмечал В.В. Путин, «варварству, стремлению разжечь конфликт цивилизаций и религий мы обязаны противопоставить духовность и терпимость. Россия всегда была страной самобытных национальных культур и верований. Россия соединяла и соединяет народы Европы и Азии, православие и ислам, буддизм и иудаизм. Именно в этом богатство и духовная сила России» [14, с. 8].

На Северном Кавказе конфессиональный фактор может превратиться в разделяющий фактор исламского ареала, все больше отходящего к восточной цивилизации, и православного, отходящего по мере глобализации к западному миру [6, с. 35]. Вместе с тем, данный фактор может стать интегрирующим общество. Важно противопоставить мифу о глобальной исламской угрозе сотрудничество конфессий в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Религии сами по себе не могут быть «хорошими» или «плохими», их могут использовать акторы политики в деструктивных целях.

С ранних этапов утверждения ислама на Кавказе большую роль играли суфийские направления, являющиеся мистическими учениями. Первоначально распространение в регионе получила накшбандийская версия суфизма. Но во времена Кавказской войны появилось новое течение – суфизм кадырийского толка. Основателем его стал чеченец Кунта-Хаджи Кишиев, учение которого отрицало газават и во многом было направлено на утверждение мира и братства. Шамиль объявил учение Кунта-Хаджи противоречащим основам ислама, как по практике, так и по идеологии, и подверг преследованию.

В конце XIX в. из двух основных суфийских братств (тарикатов) – накшбандия и кадирия выделилось несколько ветвей (вирдов), отличавшихся ритуальной практикой. Тарикатный ислам не догматичен и ассимилировал местные обычаи. Поэтому с повышением значимости течений, придерживавшихся «чистого ислама», стали нарастать призывы отказаться от «напластований», внесенных в ислам суфизмом. Эти расхождения резко ухудшили конфессиональную обстановку и стали выливаться в столкновения между последователями традиционалистских братств и исламскими радикалами, называемыми «ваххабитами» по имени Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба (многие современные радикалы не приемлют этого названия и считают его оскорбительным) [4, с. 264]. В научном исламоведении преобладает употребление термина «салафизм» [9, с. 165].

Сущность радикализма – в абсолютизации догматов и нетерпимости к другим учениям. Деятельность радикальных групп не соответствует принципам ислама и его духу, и чаще всего распространяются среди беднейших слоев населения, из которых рекрутируются силы, используемые в противоправных политических целях. Его возникновению так же способствует маргинальное сознание интеллигенции, теряющей почву в условиях наступления глобалистских ценностей. Радикалы ориентируют мусульман на перманентный джихад, понимаемый как «священная война». Но арабское слово «джихад» переводится как «усилие, которое не обязательно должно быть направлено на войну с неверными». Оно также нацелено на духовное, интеллектуальное совершенствование личности.

Салафиты объявляют себя «защитниками чистого ислама», ставящими своими целями очищение его от недозволенных новшеств – суфизма и культа святых, возвращение к нормам времен пророка Мухаммада, утверждение порядка, где основой жизни является шариат (отсюда другое название «фундаментализм»). Для проникновения на Северный Кавказ салафизма создалась благоприятная социальная база: имела «неустроенная» молодежь, не интегрировавшаяся в общинную жизнь, ставшая в первую очередь жертвой социально-экономического кризиса, и горские переселенцы, оторвавшиеся от своих корней, – именно они составили большинство последователей течения. При традиционной для ислама неразделенности духовной и светской сфер борьба религиозных направлений легко переходит в политическое противостояние. Распространение фундаментализма наблюдается после попыток ускоренной вестернизации. Конфликт модернизации выливается в межконфессиональное противостояние.

Радикализм становится идеологической утопией, поскольку отвергается любой социокультурный опыт немусульманских обществ, а все, идущее от ислама, гипертрофируется и выводится за рамки критики. Фундаментализм легко трансформируется в религиозный фанатизм и экстремизм, особенно, когда он политизируется. Когда целью фундаменталистской организации становится создание «истинного исламского государства» и экспансия ислама за пределы своего традиционного ареала, его называют политическим исламом или исламизмом.

Большую роль в возрождении ислама сыграла деятельность зарубежных исламских организаций. С начала 1990-х гг. началась их активная миссионерская деятельность: распространение религиозной литературы, оказание помощи в организации хаджа и финансовая помощь местным религиозным организациям. Наряду с содействием возрождению ислама, проявлялись политические цели, связанные с интересами крупнейших исламских государств. Кроме того, активность зарубежных эмиссаров напрямую связана с проникновением на Северный Кавказ радикальных форм ислама.

После перестройки и с распадом СССР в мусульманские страны отправились тысячи молодых людей из национальных республик Северного Кавказа для обучения в исламские центры. Только из одного Дагестана в 1995 г. отправилось на учебу в зарубежные исламские институты 400 человек [12]. Многие из них, вернувшись, стали распространять радикальные идеи, развернули борьбу против традиционного ислама с целью ослабить позиции местного духовенства и занять его место в обществе. Несколько позже из Саудовской Аравии в Чечню прибыло более 200 ваххабитов [13].

В 1990-х гг. Дагестан становится центром «ваххабизма» на Юге России. К.М. Ханбабаев приводит сведения о том, что до середины 1999 г. «в Дагестане активно действовал ряд филиалов зарубежных исламских организаций, в том числе: международная исламская организация "Спасение" (штаб-квартира в Саудовской Аравии), "Саар Фаундейшн", "Таибат аль-Хайрия" (штаб-квартира в США), "Ибрагим аль-Хайрия" (штаб-квартира в Египте)» [14]. Саудовская Аравия, Пакистан, арабские страны Персидского залива рассматривали Дагестан в качестве плацдарма для усиления религиозно-политического влияния на Северный Кавказ и на другие мусульманские регионы России. Речь идет о разрушительной деятельности адептов религиозно-политического экстремизма, которые стремятся к силовому захвату власти, замене конституционного законодательства нормами шариата и построению исламского халифата.

Идейная и политическая позиция «ваххабитов», иностранное влияние породили конфликт и в общинах Северного Кавказа. К.М. Ханбабаев пишет, что «ваххабизм в Дагестане проявил себя агрессивным, насильственным религиозно-политическим течением, сторонники которого вели вооруженную борьбу с конституционным строем, с простыми верующими, которые не разделяли их взгляды, образ жизни» [20, с. 110]. В 1991–1997 гг. происходил значительный рост количества ваххабитов в Дагестане. Как отмечает К.М. Ханбабаев, «в 31 районе Дагестана действовали 2031 сторонник Б. Кебедова, в пяти районах – сторонники А.-К. Ахтаева, в десяти районах – 442 сторонника Аюба Астраханского. 2755 человек или 71,6 % от общего числа ваххабитов действовали в 11 районах: Буйнакском, Кизилюртовском, Цумадинском, Хасавюртовском и др.» [20, с. 110].

Причина конфликтности салафизма на Северном Кавказе заключается, прежде всего, в его установке на ликвидацию всех нововведений, привнесенных в ислам. Цель введения унифицированной религиозной культуры входит в противоречие со стремлением сохранить достижения секулярной цивилизации и этническую специфику. Именно этим, по мнению М.А. Федоренко, объясняется особенно болезненное восприятие салафизма в Дагестане, где проживает множество этносов, придерживающихся своих традиций и взглядов [19, с. 47].

Но фундаментализм напрямую не ведет к радикальным, экстремистским действиям. Часто к фундаменталистам относят ваххабитов и их организации – джамааты, противопоставляя им традиционный ислам, что наблюдалось в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии. После столкновений в 1997 г. ваххабитов с традиционалистами в Буйнакском районе Духовное управление мусульман Дагестана вышло с обращением к Правительству Республики Дагестан с требованием «законодательного запрета агрессивного-религиозных течений», а после столкновения ваххабитов с федеральными силами в 1999 г. Народное собрание Республики Дагестан приняло Закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». В конце сентября 1999 г. при республиканском МВД создано «Отделение по борьбе с ваххабизмом» [4, с. 264].

В Чечне «ваххабизм» не сразу получил распространение. Вначале в противостоянии с традиционным духовенством «ваххабиты» потерпели поражение, и к 1996 г. о них почти забыли. В середине 1990-х гг. стали явно проявляться идейные расхождения между двумя направлениями в исламской теологии – традиционализмом и фундаментализмом. Позднее, между первой и второй войнами (1996–1999 гг.), «ваххабизм» стал укреплять свои позиции, но не смог окончательно победить: часть полевых командиров (Хаттаб, А. Бараев, Ш. Басаев и др.) были приверженцами вахха-

бизма, другие остались сторонниками суфийских братств. Поэтому создалось двоевластие [5, с. 58].

Когда органы государственной власти Дагестана стали преследовать радикалов, их лидер Б. Кебедов перенес свою деятельность на территорию Чечни, где был поддержан сторонниками радикализации ислама. Благодаря чему он организовал шариатские суды, укомплектованные ваххабитами. По их замыслам, Чечня должна была превратиться в исламское государство, а секуляризованное чеченское общество – в общество религиозное. В этой политике просматривалась идеологическая и военно-политическая интервенция, организованная на Северном Кавказе теми силами, которые преследовали цель отторжения региона от России.

Подобное развитие событий не случилось бы при наличии сильной государственной власти и политической воли у руководства нашей страны в 1990-х гг. Как отмечает М. Махкамов, «самоустранение государства от решения вопросов, связанных с исламским фактором, способствовало бесконтрольному вмешательству Саудовской Аравии, Ливии, Сирии, Турции, ОАЭ, Пакистана в дела мусульманского сообщества России» [10, с. 290]. Он утверждает, что «за короткий период в России создана широкая разветвленная сеть мусульманских радикальных организаций, к которым относится «Аль-Игаса аль-Ислами» («Международная исламская организация спасения») со штаб-квартирой в Джидде (Саудовская Аравия), «Молодежная организация по строительству мечетей» (США) и т.д.» [10, с. 290].

В 1999 г. на Юге России в связи с деятельностью вооруженных ваххабитских группировок, организовавших «Исламскую армию Кавказа», возникла реальная угроза распада страны. Только решительное государственное противодействие сепаратистской деятельности религиозных и политических радикалов, несущей реальную угрозу для общества и государства предотвратило такое развитие событий. Большинство чеченцев, возглавляемое муфтием А. Кадыровым, не поддержало идеологию и практику салафизма как чуждую систему, подрывающую этнокультурную идентичность народа [2, с. 177].

Главный вектор террористической активности в регионе направлен, в первую очередь, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности «молодежных» террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия). Рост числа терактов пришелся на 2004–2005 гг. Пиком террористической активности явились события в Нальчике 13–14 октября 2005 г., во время которых уничтожено более 100 боевиков-исламистов, погибло много сотрудников правоохранительных органов [8, с. 166].

Хотя, по мнению аналитиков и представителей правоохранительных органов России, с 2005 г. в определенной степени удалось повысить эффективность противодействия терроризму и религиозно-политическому экстремизму, ситуация остается тревожной. Несмотря на уничтожение многих лидеров сепаратизма и представителей международной террористической сети, осуществленную широкую амнистию, религиозно-экстремистское бандподполье не ликвидировано. В противодействии с ваххабитами с 2000 г., по данным правоохранительных органов Чеченской Республики, погибли 9 тыс. человек и убиты более 60 глав местных администраций, представителей духовенства [3, с. 54].

Использование в современной России (которая исторически была многонациональным, многонародным государством) позитивного потенциала ислама, безусловно, будет способствовать оздоровлению этноконфессиональной ситуации. Для этого, прежде всего, следует четко уяснить: нет «исламского терроризма», а есть терроризм под прикрытием ислама, с использованием его атрибутики. Это терроризм, от которого страдают все граждане государства, в т.ч. мусульмане. В мае 2004 г. создан Объединенный совет духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму. В его заявлениях выражена решительная поддержка и готовность содействия усилиям Российского государства по борьбе с экстремизмом и

терроризмом [18]. Совет муфтиев России, Духовные управления мусульман категорически осуждают террор и экстремизм, которые наносят моральный, психологический и материальный ущерб нашему обществу.

Риски и угрозы национальной безопасности состоят в насаждении идей этнического экстремизма, религиозного фанатизма и нетерпимости, неконвенциональных (вплоть до терроризма) форм деятельности, нарушении принципов конституционного строя Российской Федерации. Радикальные и экстремистские организации используют общественные проблемы для насаждения архаичных идеологием теократии и этносепаратизма в массовом сознании.

Идеологические установки радикальных и экстремистских организаций на Северном Кавказе в основном выражают доктрину салафизма. Они предусматривают жесткую регламентацию всех сфер жизни нормами шариата, крайнюю нетерпимость ко всем иноверам и «отступникам», проект создания теократического всемирного государства (халифата) путем войн и терроризма. Базовой низовой структурой салафизма выступают «джамааты» – религиозные сообщества, использующие традиционные институты сельской общины и субэтнические территориальные образования. При этом организующие центры радикальных группировок расположены за пределами России.

В Российской Федерации традиционно имеются достаточные условия для мирного сосуществования и сотрудничества всех этносов и конфессий с тем, чтобы представитель каждой нации ощущал свое единство не на этнической основе, а на основе общероссийской гражданской нации. Эту задачу невозможно решить исключительно силовыми средствами. Следует активизировать информационное и идеологическое противодействие этноконфессиональному экстремизму. В этом аспекте представляется актуальной институционализация христианско-мусульманского и межнационального диалога: создание культурных и исследовательских центров, призванных изучать пути и механизмы установления толерантных отношений между народами и религиями. Целесообразны рекомендации, позволяющие сделать более эффективной этноконфессиональную политику в стране: 1) создание на государственном уровне органов, способствующих формированию у граждан России, придерживающихся разных этнокультурных и духовных ценностей, толерантных отношений. Подобные структуры могут быть организованы при законодательных органах субъектов федерации; 2) выработка и реализация взвешенной этнополитической Концепции развития Северного Кавказа, учитывающей общегосударственные, региональные, этнонациональные, этноконфессиональные интересы; 3) осуществление религиозной подготовки и переподготовки представителей мусульманского духовенства с целью развития их мировоззрения, формирования патриотических позиций и умений противодействовать радикальным, экстремистским и террористическим проявлениям; 4) разработка учебных программ и написание книг по культуре и религии народов Северного Кавказа, организация регулярных телепередач на федеральном и республиканском уровнях, отражающих позитивные духовно-культурные формы коммуникаций полиэтничного и поликонфессионального Северного Кавказа; 5) раскрытие нравственно-гуманистического потенциала ислама в ходе его изучения в учебных заведениях; 6) изучение в религиозных и светских учебных заведениях общих социальных ориентаций ислама и христианства; 7) участие духовенства в противодействии идеологии и практике религиозного радикализма, экстремизма, используя СМИ; 8) юридическое преследование за экстремистские действия, интолерантные высказывания и разжигание межэтнической розни; 9) регулярное ведение внутриконфессионального и межконфессионального диалога в России.

Список литературы

1. Абдулатипов Р. Г. Судьбы ислама в России / Р. Г. Абдулатипов. – М., 2002.
2. Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе / В. Х. Акаев. – Ростов н/Д., 2004.
3. Акаев В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность / В. Х. Акаев, Г. Б. Вок, М. М. Керимов. – Грозный, 2006.

4. Бобровников В. О. Исламофобия и религиозное законодательство в постсоветском Дагестане / В. О. Бобровников // Этнический национализм и государственное устройство. – М., 2002.
5. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа / В. О. Бобровников. – М., 2004.
6. Воробьев С. М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: источники, движущие силы, тенденции / С. М. Воробьев, А. М. Ерохин. – Ставрополь, 2002.
7. Дзидзоев В. Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) / В. Д. Дзидзоев // Кавказский регион: пути стабилизации : мат-лы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2004.
8. Добаев И. П. Современные исламские исследования на Юге России: состояние и перспективы / И. П. Добаев // Политическая наука на Юге России : мат-лы докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д., 2009. – Вып. 2.
9. Малащенко А. В. Ислам и политика современной России / А. В. Малащенко // Мусульмане изменяющейся России. – М., 2002.
10. Махкамов М. Исламский экстремизм и его геополитическое влияние на государства СНГ / М. Махкамов // Ислам и политика. – М., 2001.
11. Мчедлов М. П. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России: некоторые результаты социологического мониторинга / М. П. Мчедлов // Религия и право. – 2002. – № 1.
12. Независимая газета. – 1996. – 1 июня.
13. Независимая газета. – 1996. – 21 ноября.
14. Путин В. В. Выступление на VI Всемирном Русском народном собрании / В. В. Путин // Русская Православная Церковь в пространстве Евразии. – М., 2002.
15. Рагузин В. Н. Этноконфессиональные отношения в современной России: состояние, проблемы, противоречия : дис. ... д-ра филос. наук / В. Н. Рагузин. – М., 1999.
16. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. Г. Г. Магипов, В. А. Авксентьев. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
17. Россия в цифрах, 2002. – М., 2003.
18. Трибуна ислама. – М., 2004. – № 5.
19. Федоренко М. А. Русский гамбит генерала Казанцева / М. А. Федоренко. – М., 2003.
20. Ханбабаев К. М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане / К. М. Ханбабаев // Алимпы и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка / С. Хантингтон // Pro et contra. – 1997. – Т. 2, № 2.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ПРИКАСПИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

**А.В. Баранов
(Россия, Астрахань)**

После получения независимости в новых Каспийских республиках политический процесс был направлен на формирование демократических государств. Этот процесс в постсоветских Каспийских республиках имеет свои тенденции и закономерности, а также выделяется отличительными особенностями для каждой из республик. Трансформация политических систем в Прикаспийских республиках продолжается.

After reception of independence in new Caspian republic political, process was directed on shaping democratic state. This process in the post-Soviet Caspian republic has their own trends and regularities, as well as stands out the discriminating particularity for each of republics. The Transformation of the political systems in Caspian republic lasts.

Ключевые слова: постсоветские Каспийские республики, политический процесс, демократия, трансформация, тенденции и закономерности.

Key words: the post-Soviet Caspian republic, political process, democracy, transformation, trends and regularities.

Постсоветские Прикаспийские республики находятся на стадии становления своих демократических политических систем. Этот процесс, несмотря на пройденный двадцатилетний период независимого развития далек от своего завершения. Политическая институционализация в этих странах оказалось довольно сложным и противоречивым процессом. Каждая из стран после получения независимости в 1991 г. прошла свой отличительный путь, но вместе с этим имеются общие тенденции.